

Итак, „Сказание о Мамаевом побоище“ возникло не позже чем в первой половине XV века. Но первая половина этого столетия столь богата историческими событиями, имевшими большое государственное значение, что необходимо попытаться более точно определить время написания „Сказания“.

Едва ли во время „смуты“ 30—40-х годов мог возникнуть такой памятник, как „Сказание о Мамаевом побоище“. Автор „Сказания“ призывает к единению русских князей; идейный смысл этого произведения заключается в показе силы объединения русских княжеств вокруг Москвы, во главе с Москвой. Однако призыв этот нельзя соотносить с событиями внутренней феодальной войны, так как в „Сказании“ это — призыв во имя борьбы с внешним врагом — татарами: объединение вокруг Москвы изображается необходимым для успешной борьбы с Ордой.

Обращение к такому историческому событию, как битва на Куликовом поле, желание рассказать о победе русских над татарами могло появиться не в связи с внутренними феодальными неурядицами, а в связи с такими историческими событиями, которые касались отношений между Русью и Ордой.

Рассмотрим теперь более мелкие, частные детали „Сказания“, которые дают некоторый материал для определения времени его написания.

Обращает на себя внимание такой факт: в „Сказании“ ни разу не назван митрополит Алексей. Лишь иногда, в редких списках, ничем между собой генеалогически не связанных, случайно появляется рядом с именем митрополита Петра и имя Алексея. Совершенно очевидно, что эти чтения восходят не к первоначальному тексту памятника, а являются индивидуальными особенностями отдельных списков. Отсутствие имени митрополита Алексея в тексте „Сказания“ говорит о том, что во время написания „Сказания“ Алексей еще не был канонизован. Если бы „Сказание“ было написано после канонизации Алексея, то автор обязательно называл бы его рядом с митрополитом Петром.

Это дает право предполагать, что „Сказание о Мамаевом побоище“ было написано до 1431 года — года канонизации Алексея.

О близком к концу XIV века времени написания „Сказания“ свидетельствуют упоминаемые в тексте памятника имена гостей-сурожан, которых великий князь взял с собою на Куликово поле.

Первым среди них назван Василий Капица; М. Н. Тихомиров весьма убедительно определяет возможное исторически реальное лицо, носившее это имя: „О начале рода Ермолиных можно судить по тем прозвищам, которые носил Дмитрий Ермолин. Его называли по деду Васкиным (от московских великих купцов, нарицаем Ермолин Васкина)». Известно было, что отец Дмитрия, Ермола, постригся в Троицком монастыре, «„преобидив толикое богатство и таковой лик сынов, паче же благородием сущим и богатем“, при игумене Никоне, т. е. до 1426 года. Пострижение в монастырь обычно обозначало конец мирской карьеры и совершалось на склоне лет. Следовательно, деятельность Ермолы надо относить к началу XV века, а вернее, к еще более раннему времени — концу XIV столетия. В том же Троицком монастыре был пострижен и Герман, брат Ермолы».¹ Отцом Ермолы, как мы видели, был некий Васка или Васька, т. е. Василий, родовое имя, сохранившееся у Ермолиных и позже. Ермола не упоминается в списке гостей-

¹ Н. Тихомиров. Древние жития Сергия Радонежского. М., 1892, стр. 158—160.